

Петербург

Мандельштама и Ахматовой

Содержание

1. Петербург Мандельштама
2. Петербург Ахматовой
3. Приложение 1
 - 1) Анализ стихотворения О.Мандельштама «Адмиралтейство»
 - 2) Анализ стихотворения А.Ахматовой «Летний сад»
4. Приложение 2
 - 1) Иллюстрации. Исаакиевский собор (фото)

Примечание

Презентация построена по линейному принципу. Но можно использовать гиперссылки:

переход со страницы «Содержание» на отдельный блок

переход со слайда на иллюстрации по теме слайда (дополнительные)

переход со слайда на страницу сайта (доп. материал по теме слайда)

Начиная с XIX века всё сильнее в поэзии звучат **урбанистические** (городские) мотивы. Поэт, писатель – чаще всего житель города, **горожанин**.

Город

парадные улицы, площади,
фасады дворцов

казённая, официальная часть

архитектура

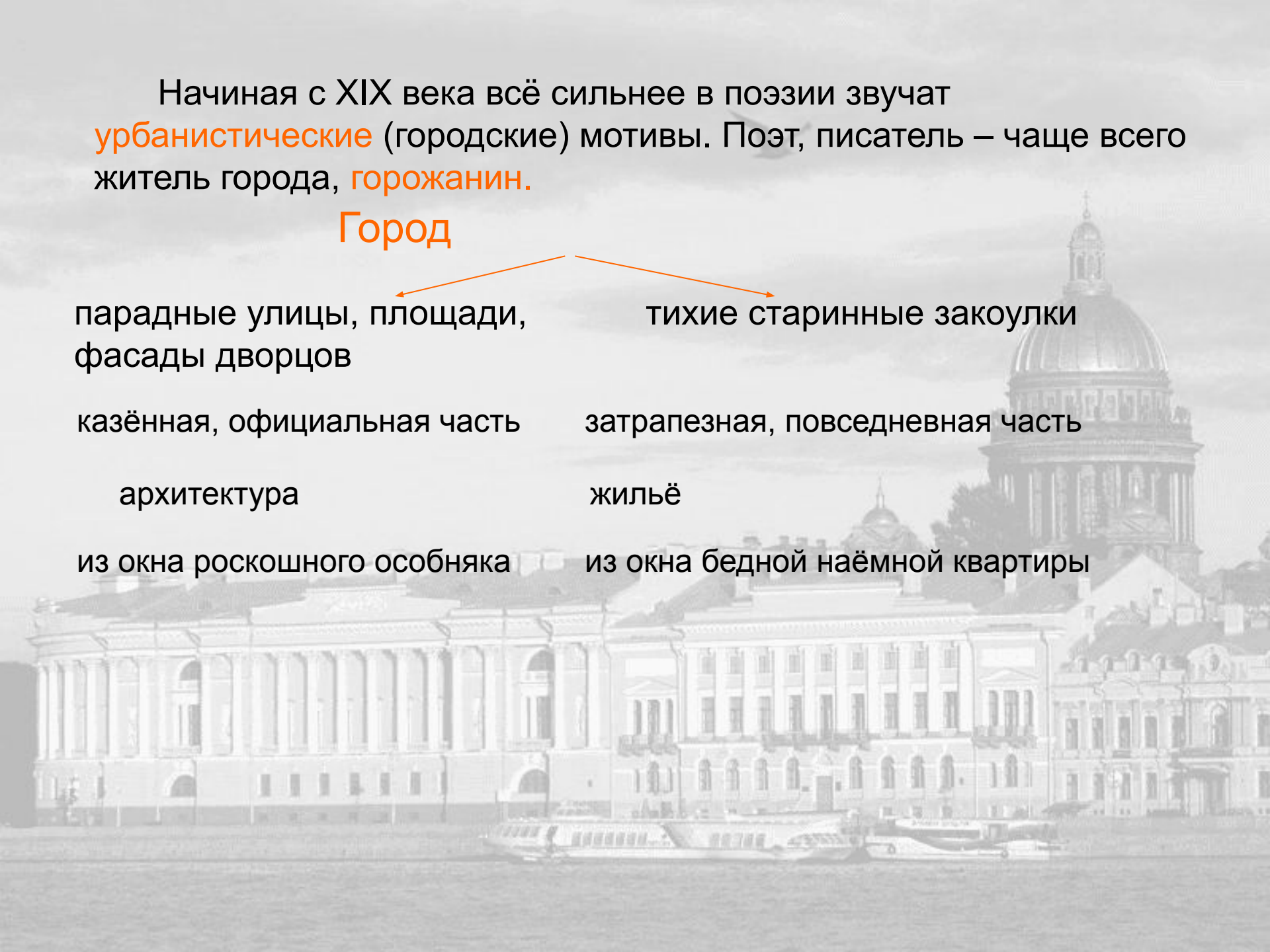
из окна роскошного особняка

тихие старинные закоулки

затрапезная, повседневная часть

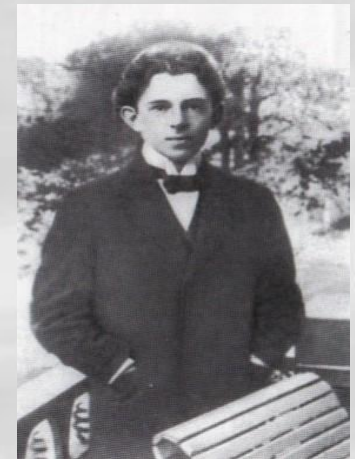
жильё

из окна бедной наёмной квартиры

(1889 – 1966)

(1891 – 1938)

Поэты способны чуткой душой воспринимать город как одушевлённое, живое существо.

Поэтому образ одного и того же города оказывается совсем не одинаковым у разных поэтов.

Ахматова и Мандельштам живут в одно и то же время, бродят по одним и тем же улицам, принадлежат к одному литературному течению – акмеизму.

И всё же Петербург в их творчестве – разный.

Петербург Мандельштама

Стихотворения о Петербурге:

«Адмиралтейство» (1913 г)

«Петербургские строфы» (1913 г)

«Дворцовая площадь» (1915 г)

«На страшной высоте блуждающий огонь...» (1918 г)

«В Петербурге мы сойдёмся снова...» (1920 г)

«Ленинград» (1930 г)

Петербург Мандельштама

утробный «хаос иудейский» петербургская архитектура
мещанского быта мастеровой как «видение властной,
семьи повелительной гармонии» —
образ старого порядка,
льности

Архитектура в восприятии Мандельштама
противостоит **хаосу**, который он всегда смутно ощущает
и которого страшится.

хаос

бесформенное неограниченное
пространство

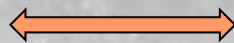
бесформенность материала (камень,
глина)

архитектура

(стройная форма ограниченного
и очеловеченного пространства)

Архитектура

- память о прошлом
- связь человека с культурой
- близка поэзии в материальном мире

стихотворение
«Адмиралтейство»

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или
Сияет издали, воде и небу брат. акрополь

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петр
Он учит: красота - не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого а,
ра. стоя

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек,
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный
ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря,
И вот разорваны трёх измерений узы,
И открываются всемирные
моря.

Образная система стихотворения

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени **фрегат** или **акрополь**
Сияет издали – воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам **Петра**,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого **столяра**.

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек;
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный **ковчег**?

Сердито лепятся капризные **Медузы**,
Как плуги брошены, ржавеют **якоря** –
И вот разорваны трёх измерений узы
И открываются всемирные **моря**!

двойственность

морское
дело

образы
античной
культуры

Адмиралтейство

фрегат

акрополь

Петербург

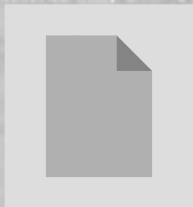
Россия

Исторические реминисценции

(явление, наводящее на воспоминание)

Пушкин «Стансы» - «*то мореплаватель, то плотник*»

Пушкин : «*Россия* вошла в Европу, как спущенный *корабль*,
при стуке топора и громе пушек».

«Петербургские строфы»

Петербург

имперский

Тяжка обуза северного сноба –
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

человеческий

Летит в туман моторов вереница:
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянёт.

«Шум времени»: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый, утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался – и бежал, всегда бежал»

На страшной высоте блуждающий огонь!
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь –
Твой брат, Петрополь, умирает!

На страшной высоте земные сны горят,
Зелёная звезда летает.
О, если ты звезда, - воды и неба брат,
Твой брат, Петрополь, умирает!

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несётся, крылья расправляет...
Зелёная звезда, в прекрасной нищете
Твой брат, Петрополь, умирает!

Прозрачная весна над чёрною Невой
Сломалась, воск бессмертья тает...
О, если ты звезда, - Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает!

(1918 г)

*В более позднем творчестве
Петербург, классический и имперский,
превращается в Петрополь —
тонущий и погибающий.*

*Поэт видит недостаточность,
неспасительность
классической культуры перед лицом
надвигающегося хаоса*

**изменчивость и
непрочность,
стихия побеждает**

*мотив смерти в Петрополе
сплетается
с мотивом гибели самого Петрополя*

Стихия побеждает... И хотя в конце книги «Tristia» (1922 г) поэт ещё надеется на то, что Петербург не умер («В Петербурге мы сойдемся снова...»), – эта призрачная надежда быстро рассеивается.

*В Петербурге мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нём,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесём.
В чёрном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Всё поют блаженных жён родные очи,
Всё цветут бессмертные цветы.*

*Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во тьме промчится
И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь...(1920 г)*

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда, - так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан **желток**.

Петербург, я ещё не хочу умирать:
У меня телефонов твоих номера.

Петербург, у меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице **чёрной** живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

*цветовая гамма
Ленинграда –
сочетание чёрного и
жёлтого,
разрушительной
имперской сущности*

*«Преступление и
наказание»
Раскольников
упорный звонок
неожиданного гостя*

(декабрь 1930)

Петербург Ахматовой

«Стихи о Петербурге»(1913 г)

«В последний раз мы встретились тогда...»(1914 г)

«Как люблю, как любила глядеть я...»(1916 г)

«Петроград, 1919»(1920 г)

«Годовщину последнюю празднуй...»(1939 г)

«Реквием»(1940 г)

«Поэма без героя»(1940-1962 г)

«Летний сад»(1959 г)

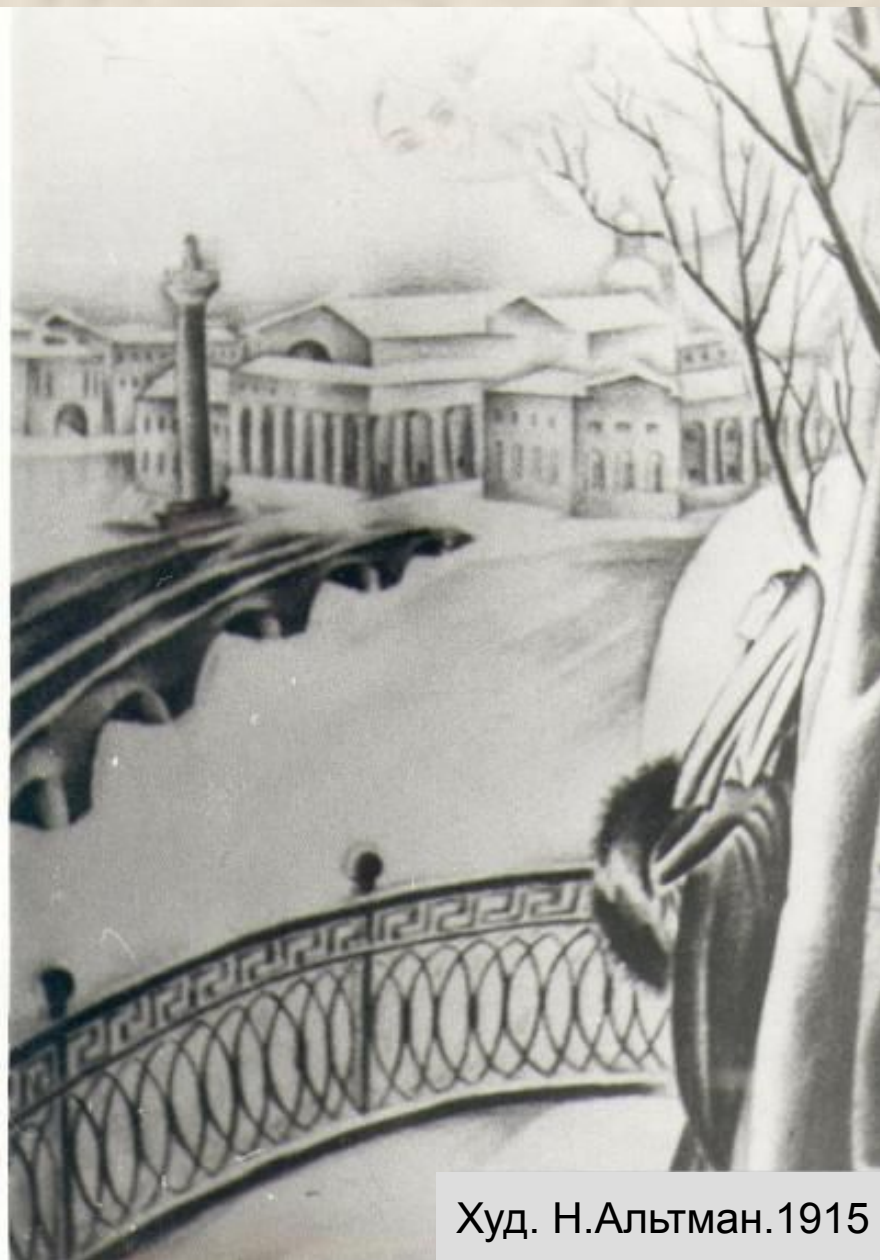
«Петербург в 1913 году»(1961 г)

Петербург Ахматовой

Ахматова пишет не о городе и его архитектурном облике, а о себе и о любви.

В лирических стихах может мелькнуть только указание на дом, на улицу: *«в доме старом и высоком / у морских ворот Невы»*, *«на левом берегу Невы»*.

Это придаёт стихам возвышенный, классически-стройный, хотя и несколько отстранённый облик.

Худ. Н.Альтман.1915

встречались.

Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине –
нелепость.

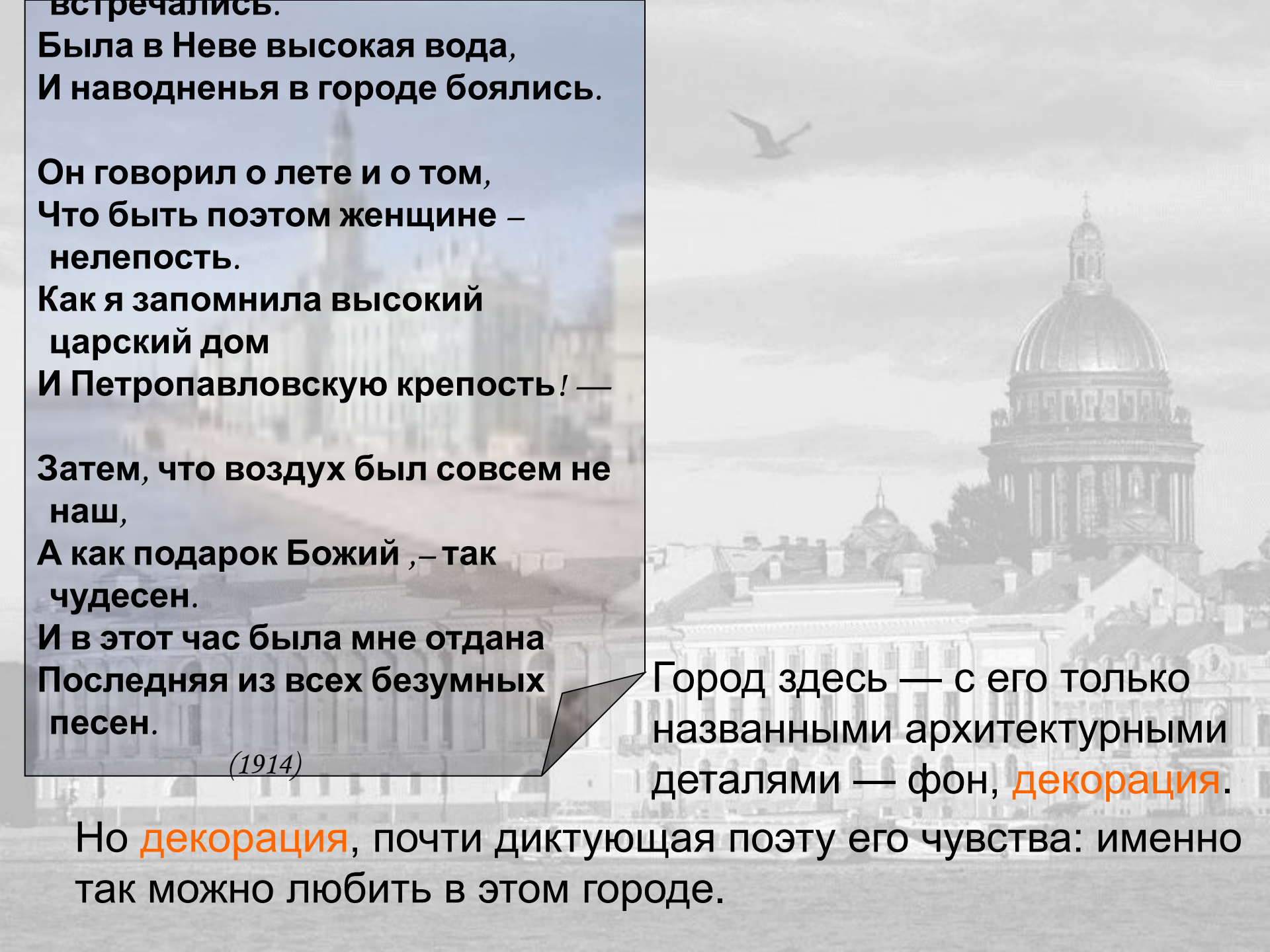
Как я запомнила высокий
царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем, что воздух был совсем не
наш,

А как подарок Божий, – так
чудесен.

И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных
песен.

(1914)

Город здесь — с его только
названными архитектурными
детальями — фон, **декорация**.

Но **декорация**, почти диктующая поэту его чувства: именно
так можно любить в этом городе.

«Стихи о

1

Петербурге»

Вновь Исакий в облаченье Оттого, что стали рядом
Из литого серебра. Мы в блаженный миг чудес,
Стынет в грозном нетерпеньи В миг, когда над Летним садом
Конь великого Петра. Месяц розовый воскрес, -

Ветер душный и суровый Мне не надо ожиданий
С чёрных труб сметает гарь... У постылого окна
Ах! своей столицей новой И томительных свиданий.
Недоволен государь. Вся любовь утолена.

2

Ты свободен, я свободна,

Сердце бьётся ровно, мерно. Завтра лучше, чем вчера, -

Что мне долгие года! Над Невой темноводной,

Ведь под аркой на Балерной Под Вульбкою холодной

Наши тени навсегда Императора Петра

Петербург – имперский город (1913)

Словно ступень веки

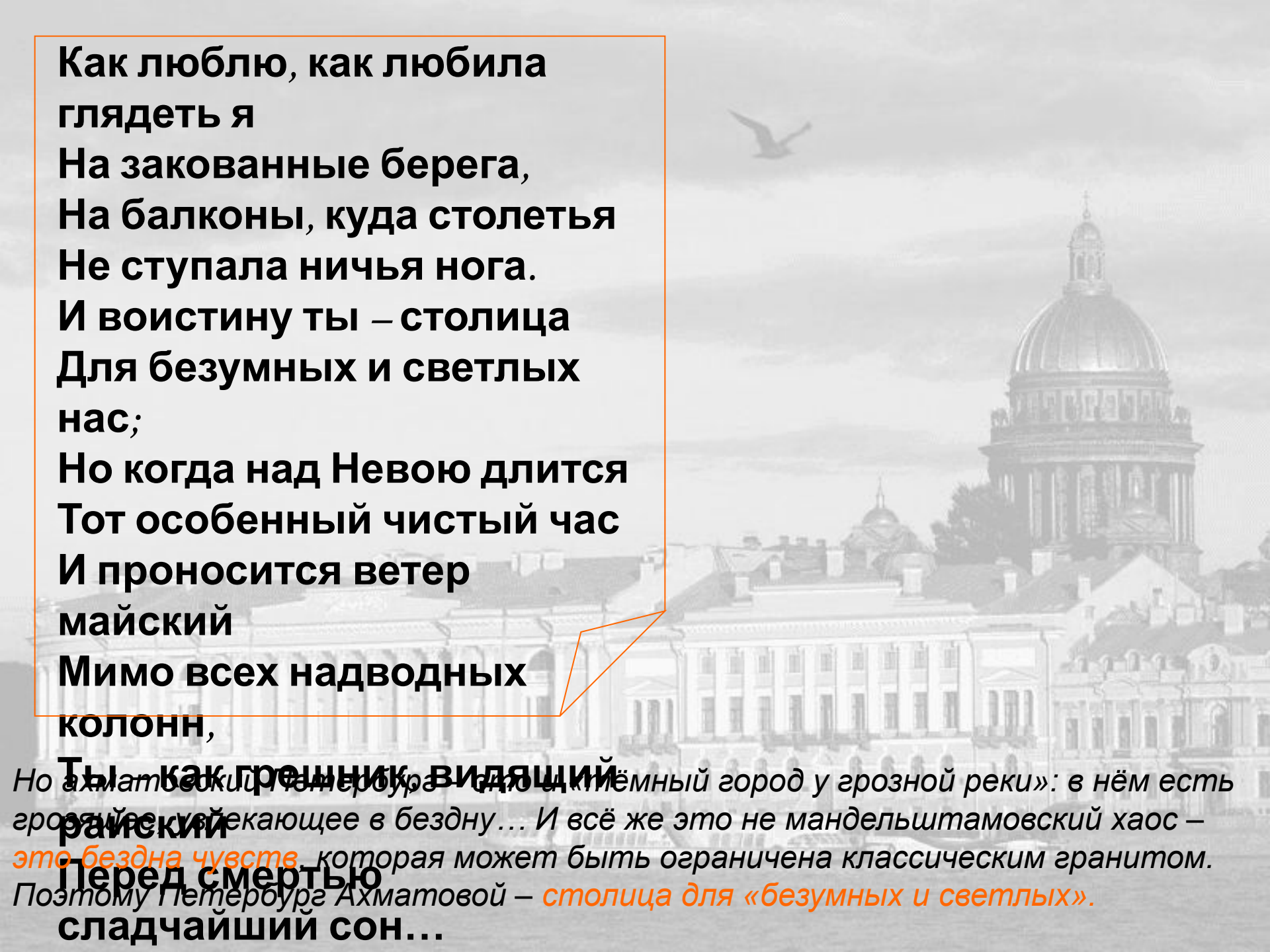
Верху, вверху со мной,

И в руке своей навеки

Нераскрытый веер мой.

радия
более человеческой:
биение живого сердца,
город смягчает боль героини,
растворяет в себе

Как люблю, как любила
глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты – столица
Для безумных и светлых
нас;
Но когда над Невой длится
Тот особенный чистый час
И проносится ветер
майский
Мимо всех надводных
колонн,

Ты, как грешник, видящий
райский
Перед смертью
сладчайший сон...

Но Ахматовский Петербург – «темный город у грозной реки»: в нём есть грозное, удивляющее в бездну... И всё же это не мандельштамовский хаос – это бездна чувств, которая может быть ограничена классическим гранитом. Поэтому Петербург Ахматовой – столица для «безумных и светлых».

В более поздних стихах Ахматовой образ Петербурга меняется. В первой части «Поэмы без героя», по-пушкински названной в подзаголовке «петербургской повестью», возникает несколько другой Петербург — карнавалный и «достоевский»... С расстояния пройденных лет Ахматова увидит тот страшный перелом времени, который, может быть, не могла почувствовать, находясь внутри времени.

**На галерной чернела арка,
В летнем тонко плела
Флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Иссекали облака и туман,
И над серебряным веком
Сильн.**

**Оттого, что по всем дорогам,
В середине века станет ясно, что её Петербург ушёл вместе с
Оттого, что ко всем порогам
Серебряный век
Приближалась медленно**

**тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на
крыше,
И кладбищем пахла
сирень.
И царицей Авдотьей
заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил
туман.
И выглядывал вновь из**

Год рождения Петербургу ушёл, но в 20-е – 30-е годы связь
с праздничным городом продолжает ощущаться Ахматовой.

Ты как и прежде, оплотнородя любви
точь

Нашей первой зимы – той,
алмазной –
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских
конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно
притушен,
И куда мы идём – не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный
сад.

Из тюремного вынырнув
бреда,
Фонари погребально горят.

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тени между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывёт сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

И шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

(1959)

*И всё же главное,
чем становится
для Ахматовой город, -
это хранилище памяти,
это вечная красота*

Петербург
Ахматовой и Мандельштама –
очень разный.
Но при всём различии есть
в отношении поэтов к городу
нечто общее:

Петербург

- сердце российской культуры
- символ уходящего века
- нечто, облагораживающее
стихийное существование
человека

Приложение

*Анализ стихотворения
«Адмиралтейство»*

«У Мандельштама нет учителя... Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!»

Анна Ахматова («Листки из дневника», 1963 г)

Сборник «Камень» обобщил ранний период творчества
(стихи, написанные в 1908 – 1915 годах)
Всего вышло три издания этого сборника (1913, 1916, 1923)

Первые стихотворения сборника написаны в 1909 году, когда Мандельштам находился под сильным влиянием философии символизма, и его стихотворения этого времени насыщены многозначными и трагичными символистскими образами. В этих стихотворениях лирический герой пытается утвердиться в мистической, холодной и чуждой человеку вечности с помощью **творчества**.

Остальные стихотворения (с 1912 года), в том числе и «Адмиралтейство», написаны в то время, когда поэт называл себя акмеистом. И в них лирический герой вновь приходит к **идее творчества**, которое оставляет память о человеке, но уже не в холодной мистической вечности, а в веках.

1913 год(сборник «Камень»)

жанр книги стихов,
«книги-дневника»

ключ к постижению
художественного
метода
и мира лирики

организующая роль
ключевых слов
«творчество», «путь»

обилие пространственной лексики,
объединяющей
смысловое пространство сборника

черты, свойственные всему творчеству Мандельштама

«Адмиралтейство»

«Адмиралтейство»

тема

идея

Здание
Адмиралтейства,
расположенное
в центре
Петербурга

Творчество – «пятая
стихия»,
созданная
человеком

Творчество – это «пятая стихия», созданная человеком, она преодолевает время, она не божественна, но рукотворна, так как создаётся трудом «простого столяра», то есть обычного человека.

Композиция стихотворения

1. Здание Адмиралтейства, которое сравнивается с фрегатом или акрополем.
2. Образ Петра (основателя города) и его преемников, создающих рукотворную красоту Петербурга.
3. Четыре стихии и их преодоление в творчестве, которое является пятой стихией, созданной человеком.
4. Перед фрегатом – Адмиралтейством раскрываются всемирные моря вечности.

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали – воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря –
И вот разорваны трёх измерений узы
И открываются всемирные моря.

Ключевые слова стихотворения

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или
Сияет издали – вода акробат
брат.

Ключевые слова,
связанные
с образом моря

Ладь воздушная и мачт -недотрога,
Служа линейкою приемникам Петра,
Он учит: красота не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные Мед
Как плуги брошены, ржавеют язы –
И вот разорваны трёх измерений узы
И открываются всемирные моря.

Ключевые слова,
связанные
с идеей творчества

Художественные средства, использованные в стихотворении

метафоры	<i>«фрегат», «акрополь», «воде и небу брат», «ладья воздушная»</i> (образ Адмиралтейства)
эпитеты	<i>«мачта-недотрога»</i> (шпиль Адмиралтейства одновременно хрупок и недосыгаем); <i>«простого столяра»</i> (человека, не считающего себя творцом, а просто выполняющего свою работу)
цветопись	доминирующие цвета: <i>голубой</i> (цвет моря и неба) и <i>зелёный</i> (цвет листвы) – на их фоне <i>«сияет издали»</i> здание; сияние = <i>золотой</i> цвет
ритрический вопрос	<i>«Не отрицает ли пространства превосходство Сей целомудренно построенный ковчег?»</i>
антитеза	<i>«Нам четырёх стихий приязненно господство – Но создал пятую свободный человек...»</i>

- В стихотворении О.Мандельштама «Адмиралтейство» человек преодолевает господство четырёх стихий – вода, земля, огонь и воздух – при помощи пятой стихии (метафора творчества).
- Адмиралтейство сравнивается с ковчегом, который отрицает превосходство пространства, то есть является его доминантой.
- Ковчег Адмиралтейства плывёт в вечность: творчество его создателей будет сохранено в веках, недаром перед ним раскрыты всемирные моря.

Приложение

*Анализ стихотворения
А.А.Ахматовой «Летний сад»*

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывёт сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

И шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

двустороннее оказывается самой
наиболее яркой стороной прошлого
и настоящим, что требует от нас
открытости чувств и слов
сад предстаёт как хранитель жизни,
здесь возможно не только это
прошлое и настоящее
лишь в сердце и поэту дано
изображение вневременный черт
постоянство вечности
«двойник» здесь многозначен:
это и отражение в воде,
третий элемент мужественный
Решение в пользу времени
из оград», не только самая прекрасная,
но и пространственная ограда:
Ахматова меняет местами слова
укрепости души, морского пространства
в этой строке: люди не так надежны,
как эта верная себе и векам красота:
враги становятся друзьями,
друзья превращаются во врагов

Летний сад – обитель чуда.
Здесь ночи могут быть белыми,
здесь тайная любовь может быть высокой,
здесь сияние драгоценностей пленительно.

Что же это за «света источник», который «таинственно скрыт»?

Это
память, соединяющая века,
любовь к красоте, не отменяемая временем

Конец презентации

Далее следует приложение:

1. Исаакиевский собор (фото). Можно было увидеть, зайдя по ссылке со слайда №2 или №17.

Летний сад уже не был столь обширен и богато украшен, как при Петре I, но всё же оставался самым красивым садом столицы.

«Но самым замечательным украшением сада была его изгородь, выходящая на Неву, – писал художник П.Соколов*. – **Высокая железная решётка** на гранитном цоколе с большими гранитными же столбами, наверху которых поставлены вместо капителей вазы... Тогда эта решётка почти вся была покрыта настоящим золотом, как золотили во времена Екатерины II. Эта золочёная изгородь так ослепительно горела на солнце и так прославилась своим великолепием, что многие иностранцы приезжали специально полюбоваться на неё, а один чудак-англичанин, конечно, очень богатый лорд, выехал из Лондона на собственной яхте, прибыл на Неву и, остановившись против Летнего сада, налюбовавшись великолепной решёткой, не сходя на берег, повернул назад и уехал обратно в Англию».

*Соколов Пётр Фёдорович (1791 – 1848) – выдающийся русский художник

Конец презентации
«Петербург Мандельштама и Ахматовой»